

НАШЕ ШИШКО

ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НОМЕРА
ОДНА копѣйка

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ ОДЕССѢ

На 1 мѣсяць . . . — р. 35 к.
3 мѣсяца . . . — р. 90 к.
6 мѣсяцевъ . . . 1 р. 75 к.
12 мѣсяцевъ . . . 3 р. 50 к.

Для иногороднихъ

На 1 мѣсяць . . . — р. 45 к.
3 мѣсяца . . . 1 р. 20 к.
6 мѣсяцевъ . . . 2 р. 25 к.
12 мѣсяцевъ . . . 4 р. 50 к.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ Александровскій проспектъ 15.

КОНТОРА ГАЗЕТЫ ул. Жуковского, 12. Тел. № 34-75.

Плата за объявленія:

Впередъ текста **30** коп. за строку пятаго, начала—**15** коп. Годичныя и мѣсячныя объявленія по соглашенію. Для извѣстій за нѣтъ—**15** коп. за объявленіе въ 4 строки на 4-й стрѣжкѣ.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ,
ЛИТЕРАТУРНАЯ, И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Пріемъ объявленій въ конторѣ газеты ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней отъ 10 час. утра до 7 час. веч.

А. П. ЧЕХОВЪ

Тотъ, кому выпало на долю бытописать тусклую, сѣрую жизнь русскаго обывателя 80-хъ годовъ, самъ испыталь на себѣ всю тигость этой тусклой и сѣрой дѣйствительности. У насъ мало писателей, которымъ удавалось бы съ первыхъ же шаговъ своей дѣятельности завоевать извѣстность, симпатіи, положеніе въ обществѣ. Но изъ этихъ немногихъ рѣдко кому приходилось пробивать себѣ путь въ такой сѣрой и тусклой средѣ. Черезъ плохенькіе уличные юмористическіе журнальчики (ибо въ то время у насъ не было идейной или художественной юмористической печати), мелкими, незначительными рассказами шаржами пробивался къ извѣстности А. П. Чеховъ. И когда, наконецъ, онъ обратилъ на себя вниманіе публики и критики, за нимъ былъ рядъ непроизводительно потраченныхъ усилий на поиски себя и своего мѣста въ литературѣ.

Послѣ ряда предыдущихъ поколѣній, насквозь пропитанныхъ альтруизмомъ и такъ называемой „тенденціозностью“, Чеховъ поражаетъ какой то холодной безжалостностью анатома, для котораго какъ будто нѣтъ людей, а есть только трупы, подлежащія вскрытію и изученію. Это объективное, аналитическое отношеніе Чехова къ дѣйствительности вытекало изъ его рѣзко критическаго, отрицательнаго отношенія къ этой дѣйствительности. Чеховъ, по самому складу мысли, изображаетъ, главнымъ образомъ, все мелочное, ничтожное, мѣщанское въ нашей жизни. А такъ какъ это мелочное, ничтожное, мѣщанское въ то время (да и сейчасъ) составляло главное, доминирующее, то неудивительно, что Чехову удалось описать громадный кругъ современности. И въ этой ненависти и критикѣ онъ былъ безпощаденъ. Добрый, мягкій, нѣжный въ личной жизни, онъ былъ ядовитъ, жестокъ, безжалостенъ, передъ лицомъ господствующей пошлости.

Правда, нельзя отрицать, что не все, что отвергалъ Чеховъ, было, на самомъ дѣлѣ, достойнымъ отверженія,

явленіемъ отрицательнымъ. Сѣрая обстановка, въ которой онъ выросъ, наложила и на него свой отпечатокъ. Если онъ вынесъ изъ нея ненависть къ пошлости и мѣщанству, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынесъ и свойственное этому мѣщанству невѣріе въ методы политической борьбы, успѣвшіе къ тому времени разочаровать широкіе слои интеллигенціи. Отрицая современную дѣйствительность, Чеховъ долженъ былъ непремѣнно апеллировать къ чему то лучшему, вѣрить во что то грядущее. Но, потому ли, что онъ никогда не задумывался надъ путями развитія, потому ли, что онъ не могъ постичь этихъ путей, онъ не смогъ выработать въ себѣ яснаго представленія о томъ, каково же это грядущее лучше. „Черезъ двѣсти—триста лѣтъ жизнь на землѣ будетъ прекрасна“—вотъ та туманная формула, въ которой, какъ бѣлка въ колесѣ, вертится мысль Чехова.

Благодаря этой неясности путей, которыми можетъ и должно прійти будущее, Чеховъ всегда былъ далекъ отъ реальной борьбы за это будущее, всегда былъ чуждъ борющихся за него людей, всегда былъ а-политикомъ. И это заставляло его пессимистически смотрѣть на многія положительныя явленія русской жизни, которыя онъ, благодаря такому предвзятому мнѣнію, относилъ къ тусклой и сѣрой современности.

Чеховъ, какъ мы указали, очертилъ большой кругъ современности. Въ этотъ кругъ попало и чиновничество, и мелкое мѣщанство, и крестьянство, и, главнымъ образомъ, интеллигенція. И всѣхъ ихъ рисовалъ онъ съ какой то жестокой правдивостью, не позволявшей ему выискивать и отмѣчать положительныя черты, которыя, какъ-ни-какъ, имѣются во всякомъ, даже самомъ отрицательномъ типѣ, и заставлявшей характеризовать все отрицательное съ чисто научной точностью и обнаженностью. Такое предрасположеніе къ выдвиганію однихъ отрицательныхъ чертъ заставляло Чехова нерѣдко впадать въ

шаржъ (тутъ нѣкоторую роль играла и привычка, выработавшаяся благодаря работѣ въ юмористическихъ журналахъ). И если Чеховъ не сталъ карикатуристомъ въ литературѣ, то это потому, что подмѣченныя имъ преобладающе отрицательныя черты были на самомъ дѣлѣ основными, наиболѣе характерными чертами изображаемаго имъ общества. Рисуя эти уродства, онъ—за исключеніемъ отдельныхъ случаевъ—оставался строгимъ реалистомъ, тогда какъ шаржъ есть уже отступленіе отъ реализма, есть романтизмъ на изгнанку.

Изъ всего многообразія русской дѣйствительности больше всего привлекало вниманіе Чехова та часть интеллигенціи, которая обрѣла у насъ названіе хорошей, народолюбивой, идейной интеллигенціи. Это слой лицъ, живущихъ свободными профессіями, стоящихъ между карьеристами, съ одной стороны, и политиками, съ другой. Эта интеллигенція имѣетъ длинную и печальную исторію, ибо на нее, какъ на среднее промежуточное, не горячее и не холодное, а только теплое, сыпались всѣ шишки, вѣрифе самыя обидныя шишки. Ко времени писательства Чехова эта интеллигенція опустилась, измельчала, обмѣщанилась, размѣнялась на гроши. Еще въ первыхъ своихъ вещахъ (рассказахъ) и въ первой драмѣ („Ивановъ“) Чеховъ рисуетъ ее безпощадными, жесткими штрихами. Сравните Юныча или самого Иванова: одинъ—живое воплощеніе пошлости, другой—ничтожество, которому остается только одинъ красивый жестъ—самоубійство.

Но это безжалостное отношеніе къ лишнимъ людямъ со временемъ сглаживается. Въ послѣдующихъ пьесахъ Чеховъ подходитъ къ нимъ уже съ другимъ критеріемъ. Правда, объективный выводъ, который дѣлаетъ изъ этихъ новыхъ типовъ читатель, не зараженный мягкотѣлостью, тоже безотраденъ для этой интеллигенціи; однако отношеніе самаго автора къ ней уже нѣсколько другое. Если Иванову онъ указывалъ одинъ выходъ: развѣ не способенъ жить,—умри, то теперь, напротивъ, вырисовывается другая формула: надо жить. А если на-

до жить, то слѣдующій шагъ—человѣкъ не можетъ жить безъ вѣры, чело-вѣку нужна вѣра. И вотъ это второе изданіе Ивановыхъ—Дяди Вани, Астровы, Вершинины, Тузенбахи,—начинаютъ убѣждать другъ друга въ томъ, что со временемъ (лѣтъ черезъ двѣсти—триста) жизнь будетъ прекрасна и что ради этой будущей жизни надо жить, надо для нея работать. Эта вѣра и есть тотъ „огонекъ“, безъ сознанія котораго не въ силахъ жить даже эти, ни во что уже не вѣрящіе, люди.

Послѣдній періодъ творчества Чехова замѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ. Если до его пьесъ (начиная съ Дяди Вани) Чеховъ изображалъ общество статически, неподвижно, чисто описательно, то съ этими пьесами онъ входитъ на новый путь—путь движенія: во-первыхъ, онъ вноситъ въ жизнь и мысль своихъ героевъ новые, движущіе мотивы (работа для будущаго), во-вторыхъ, вступая на этотъ путь, онъ самъ начинаетъ развивать свои мысли. Въ общественномъ отношеніи Чеховъ начинаетъ эволюционировать только съ эпохи этихъ пьесъ. Уже въ Дядѣ Ванѣ начинается нащупываніе смысла и оправданія жизни („огонекъ Астрова“); въ Трехъ Сестрахъ опредѣленно развивается мысль о прекрасномъ будущемъ и о необходимости теперь же работать для этого будущаго, отрешившись отъ личныхъ выгодъ отъ этого будущаго; наконецъ, въ Вишневомъ Садѣ открыто разваливается храмъ прошлаго, вырубается вишневые сады праздности и тунеядства, заколачиваются на вѣки вѣчные призраки прошлаго (Фирсъ), выбрасываются въ колодезь ключи мѣщанскаго благополучія, уходятъ молодыя бодрныя силы въ манящую, безпріютную даль.

Эта эволюція Чехова, иллюстрированная имъ въ послѣднихъ трудахъ, весьма примѣчательна и, къ сожалѣнію, мало еще изслѣдована. Несомнѣнно, что то сѣрое и тусклое безразличіе (аполитизмъ), которымъ наградили Чехова первые, сѣрые и тусклые, годы его развитія постепенно начало спадать, что своимъ тонкимъ, художественнымъ чутьемъ онъ уже предвидѣлъ

надвигающееся новое. „Надвигается на всѣхъ насъ громада, готовится здоровая, сильная буря, которая идетъ уже близка и скоро сдуетъ съ нашего общества лѣнь, равнодушіе, предъубѣжденіе къ труду, гнилую скуку“—говорилъ Чеховъ устами Тузенбаха. Бѣда ли надо прибавлять, въ какой мѣрѣ оказался онъ вѣрнымъ пророкомъ. И если буря въ концѣ концовъ не въ силахъ была прочно возродить русскую интеллигенцію, заблудившуюся, по образцу пошехонцевъ, между тремя „вѣхами“, то это только показываетъ, насколько выше стоялъ Чеховъ, чѣмъ всѣ эти Тузенбахи и Вершинины.

Буря пронеслась, Чеховъ не дождался ея, смерть похитила его почти наканунѣ бури. Буря пронеслась, въ результатѣ Тузенбахи и Вершинины ударились не то въ религіозныя не то въ эротическія исканія. Замоли ихъ мечтающіе голоса, перестали они любовно заглядывать въ будущее; напротивъ, обратили свои взоры вспять и стали проклинать ту самую бурю, которую напрогножилъ имъ Чеховъ. И вспоминая жестоку, безпощадную, острую кисть художника, вдругъ начинаетъ казаться, что все его добродетельное отношеніе къ героямъ Трехъ Сестеръ или Дяди Вани было лишь новымъ жестокимъ бичемъ, что напрогножилъ онъ имъ бурю съ коварной цѣлью окончательно доказать, какъ ничтожны и жалки они, какъ неуцѣлы они для возрожденія русскаго общества.

Но какая мука: быть добрымъ, чуткимъ, мягкимъ, любить людей, вѣрить въ свѣтлое будущее,—и быть вынужденнымъ всю жизнь безжалостно и безъ устали бичевать, бичевать, бичевать! И не имѣть права, ни возможности остановиться взглядомъ на чемъ либо отрадномъ, отдохнуть душой на чемъ либо свѣтломъ. А самое горшее—умереть въ тотъ моментъ, когда самъ почувалъ, что вотъ оно идетъ надвигается...

Бѣдная русская земля, бѣдные граждане ея.

ПРОФАНЪ.